



НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Парамоновы и Некрасовы

Нас никому не победить. Когда-нибудь мы победим себя сами



Похороны солдата, 2024, Россия. Фото: архив

08:23, 6 января 2026,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



Великая Отечественная война продолжалась 1418 дней и ночей. Утром 12 января 2026 года начнется 1419-й день с начала СВО. И?

В России всегда было много Сергеев Парамоновых. Раньше особенно: имя популярное, фамилия не сказать что редкая. Это были и есть совершенно разные люди, как, допустим, Викторы Кузнецовые. Московский мальчик Сережа Парамонов, наш Робертино Лорети, в 1972–1975 годах солист Большого детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения под руководством Виктора Попова: «солнечный голос»; «пел как ангел». Кристально чистый дискант его поднимался сквозь мглу, сквозь сгущавшуюся тьму вверх, в плотные слои атмосферы, в околоземное пространство, и казалось, у всех нас, у советских детей (он ведь стоял на сцене не один, за ним был хор), есть будущее, впереди — свет... Но — физиология. У Сережи происходит голосовая мутация.

Или другой Сергей Парамонов, екатеринбургский. Они почти ровесники (1961 и 1963 года рождения). С 90-х годов прошлого века по десятилетия годы века нынешнего насиливал девочек и субтильных женщин, на взрослых не похожих. У маньяка диагностировали рак мозга в терминальной стадии, из-за чего его выпускали раньше срока или вовсе не принимали в СИЗО. А он все не умирал и продолжал.

Екатеринбургское E1.Ru [поговорило](#) с бывшим следователем Екатериной Герлах — она в 2011-м последний раз отправила Парамонова в тюрьму: «У него было около 100 госпитализаций в онкологию. Карта медицинская была огромная. И врачи не могли понять, почему он живой до сих пор. И даже в этом состоянии он был здоровенный и очень сильный. Хотя, повторюсь, у него дырка в голове. Причем, что интересно, после того как он совершал преступления, у него рак как бы спадал. Как-то связано с психикой. Мне кажется, что его можно было бы исследовать, как Чикатило. У него, видимо, рос какой-то

психосоматический рак. После того как он совершил преступление и сбрасывал свой гнев, у него сужалась опухоль, наступала ремиссия, ему становилось лучше. Его сажали в тюрьму, там он сидел до того момента, пока у него опухоль не разрасталась на всю голову. Его выпускали со словами:

«Тебе жить осталось до понедельника» — а он выходил и тут же начинал грабить и насиловать девочек. И никак не умирал».

Жена (познакомилась по переписке, не знала, что насильник) на вопросы Герлах сказала, что с ней он не мог совершить половой акт. Герлах: «При этом во время изнасилований у него все прекрасно работало. Как у Чикатило (тот в момент убийств испытывал оргазм). Она до последнего его защищала. Я думаю — это была любовь. Она не верила, что он на такое способен. Ждала его. Потом они разошлись».

Взрослая жизнь московского мальчика Сережи Парамонова не сложилась. Свет, что мнился впереди, оказался все той же тьмой, просто ненадолго выхваченной и освещенной. Жена с сыном ушли, умер в 36 лет — в 1998-м (стандартная газетная формула «неудачи заливал алкоголем» ни к чему, потому что ничего не объясняет). Екатеринбургский Парамонов с раком мозга жив, похоже, до сих пор. Человек-метафора. Метафора чего-то большего. E1.Ru говорило с Герлах в рубежном 2022-м и выяснило, что к тому моменту он вновь освободился, ему 59, «может проживать на Уралмаше».

И надо ли уточнять, что все это может иметь самое непосредственное отношение к происходящему с 2022-го? Лишь [один](#) из комментариев к заметке в E1.Ru: «А мне один писал, типа Чикатило порождение России, я ответил: Чикатило как

раз был украинцем, а в конце жизни вообще украинским националистом. Тоже нес дичь, как сейчас украинцы, о каком-то голодоморе. Ой не могу)))) Порождение Европы и Гитлер, и чё? И в России были и есть мелкие маньяки и что?)))»

Самое страшное с Россией произошло не в годы СВО. Все самое страшное случилось с Россией до «спецоперации», она — следствие, не причина, она — выход. Во всех смыслах.

И те, кто страдает, что нельзя произносить одно страшное слово, кто говорит, что ужасней его ничего нет, возможно, не знали или знать не хотели, как жила Россия предшествующие годы. Закрывали глаза. Говорили о чем угодно, только не об этом.



На похоронах солдата. Шагают юнармейцы. Россия, 2024. Фото: архив

Я не о разрухе и депрессивности провинции, материальное как раз связывалось и налаживалось. Вранье — в другом. В том, что

все поголовно советские приговаривали «только бы не было войны». Это Тома в исполнении Людмилы Гурченко, харьковской уроженки, в михалковских «Пяти вечерах» (1978) повторяет как молитву. Но она не была безусловным паттерном. «Да хоть бы и война» — слышал именно в те годы от взрослых не раз. Слышал от отца.

Звучало, конечно, совершенно иначе, чем «можем повторить» нулевых и десятых годов, ничего похожего, тогда это произносилось в сердцах от всего того тухляка, от тяжести «мирной жизни», невыносимости ее и лживости. И не потому, что в войне правды больше — так могут рассуждать лишь те, кто ее и не нюхал, а лишь по извечному русскому задору — «а гори оно все синим пламенем». Лишь бы случилась смена планов. Перемена надоевшего до смерти фона.

И сейчас есть та же безбашенность. Но есть и другое. Трезвое и сугубо рациональное. Вроде как у уральского Парамонова: его «успешность» увязывалась напрямую с его злодеяниями. Опухоль спадала, и он все не умирал. Наглядный — здесь и сейчас — контакт с потусторонним злом, древним и клубящимся (как в кино), и — немедленная выгода от этого. Судя по всему, что-то беспричинное в мире все же есть — вот это зло. Все кончается, перерабатывается, только оно с нами всегда, всегда здесь, рядом, оно хочет, чтобы его впустили.

С тех «Пяти вечеров» советские и русские как пошли воевать, так, по сути, и не останавливались. В 1979-м начался Афганистан. Дальше — накладываясь — Карабах, Абхазия, другие кавказские войны-серии. Приватизация как эпизод гражданской войны. Значимых просветов больше и не было, даже в относительно спокойные нулевые всегда в провинции стенды райвоенкоматов, объявления на дверях магазинов зазывали солдат на контракт. Предлагали таджико-афганскую границу и Кавказ.

Да, те столкновения и нынешняя СВО — несопоставимы. Но

для глухих деревень и городков на протяжении многих тысяч верст вглубь России все эти конфликты, включая СВО, в равной степени были далеки, и все они всегда черпали жизни прежде всего отсюда.

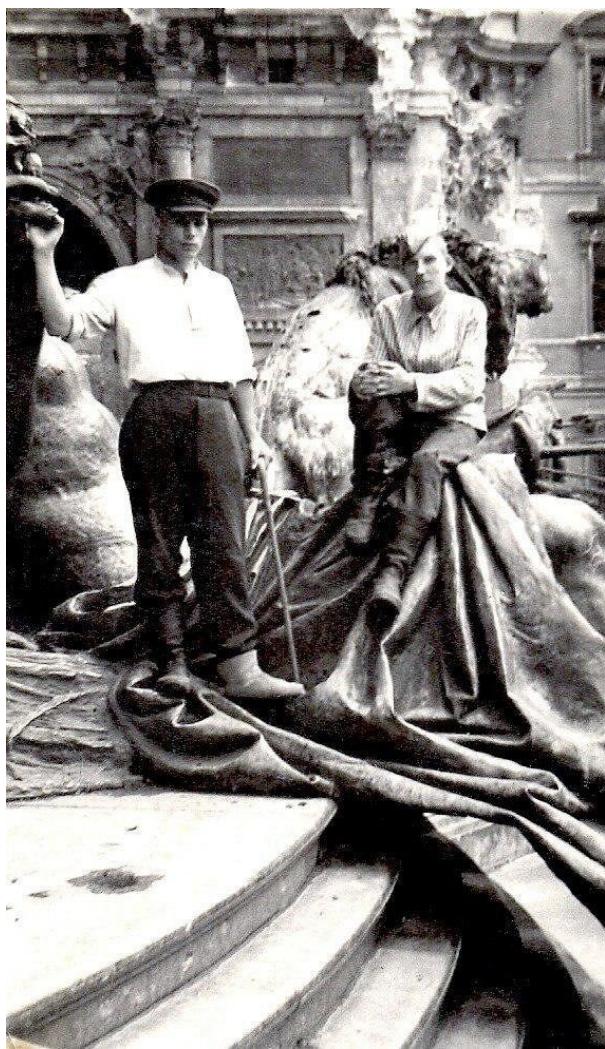


Прощание с солдатом, 2024, Россия. Фото: архив

...Не называю восточносибирскую деревню — типичная. Радищев, проезжая эту местность еще в 1791 году (следуя в ссылку), писал — про всю нее, на много сотен верст — «все мужики бедны, живут худо, промыслов мало, и хлеб родится худо». Ничего не изменилось. Деревня все такая же умирающая, притом никак не умрет. И вот мальчик отсюда уходит в армию, после присяги немедленно подписывает контракт и погибает под Авдеевкой. Тело привозят спустя четыре месяца, хоронят. Мать получает за него 12 млн. Подрастают младшие дети, брат и сестры погибшего, у одной из них уже свой ребенок. Самой

бойкой, старшей сестре — учиться бы, в город... Но из относительно серьезного, что приобрели на эти деньги, — домик по соседству за 500 тыс. Остальные 11,5 млн прогуляли всей деревней — она временно перестала умирать, воспряла. Гоняла по магазинам на такси. Но недолго — управились, в общем, стремительно. Там только у матери и только родных 9 братьев и сестер. Ну и в целом деревня хоть и депрессивная, но — артельное сознание. И вот это единство проинвестировано.

Для России, кажется, все главные победы возможны лишь внутри нее, не вовне. Но эти победы над собой — в туманной дали.



1945, Берлин, Григорий Некрасов слева. Фото: архив Некрасовых-Федоровых

В России много и Некрасовых. На снимке из Берлина 1945 года,

на фоне памятника кайзеру Вильгельму, Григорий Осипович Некрасов — слева, с загипсованной ногой и палкой (фото деда из семейного альбома предоставила «Новой» Кристина Федорова). Некрасов закончил войну сержантом, а в фуражке, не в пилотке — потому что пограничник. Незадолго до этого на подступах к Берлину он с товарищем обезоружил и пленил 13 фрицев, спрятавшихся под крутым берегом реки.

1918 г.р., из семьи алтайских крестьян, сосланной в гибкие топи Нарыма. Ему позволили вырваться и закончить учительский техникум. Была бронь — ушел добровольцем. После войны сержант закончил новосибирский пединститут, преподавал историю. Потом переехал в Курган, умер в 1998-м.

Из Новосибирска и Лидия Некрасова, мать мобилизованного на СВО, — сын получил ранение, но домой его не вернули. Она единственная в трехлетнюю годовщину объявления частичной мобилизации вышла к зданию Минобороны в Москве с плакатом. Задержали, оштрафовали на 33 тысячи, признав виновной в «дискредитации» армии и невыполнении требований полиции.

Что тут можно сравнивать? Вроде народ один, фамилии одни... Мою бабушку Полю, мать отца, Тарасову (Развалову) Пелагею Степановну, таскали в Волоколамске в НКВД за то, что она отпустила на войну сына Витю.

Тот ушел в 15 лет с литейно-механического завода, на фронте уже были два его старших брата (мой отец был самым младшим, 1940 г.р., пока оставался при матери и сестрах). Виктора не вернули обратно чудом, отдельная история. А многих возвращали — таких же. И других. По самым разным

причинам. (Конечно, не в 41-м и 42-м.) Возвращали специалистов, думая уже о будущей жизни — после победы. Возвращали израненных. Возвращали тех, кому не место в армии.



День народного единства, площадь Революции в Красноярске. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В каком это диссонансе с сегодняшними хрониками. Тогда ставили на победу, сейчас — на продолжение? Разумеется, нет. Но куда деться от впечатления, пусть наверняка обманчивого, что никто из сильных мира сего никуда не торопится и происходящим не ужасается. Ровно вот это — уже норма. Порядок вещей. «Никакого мира нет. Естественно жить в условиях войны. Не надо ждать апокалипсиса — надо понять, что мы уже и так в нем живем», — это Ласло Краснахоркаи (любимейший из ныне живущих прозаиков; само присуждение ему Нобеля опровергает его меланхолию — его видения понятны и востребованы в Европе, да и не только в ней).

К апокалипсису много где приспособились, русские уж точно гении адаптивности. У этого порядка вещей полно бенефициаров. На всех этажах, во всех селениях, на земле и на

небе. Внизу раньше буднично шутили, когда деньги кончались, — «ну чё, на СВО?»; уже давно не шутка. Для тех, кто вверху, СВО — опора, это то, что цементирует. Ну и она — объяснение всему, что ни происходит. На нее можно все свалить. И ведь гибнут всегда другие. Остающимся она дает жить.

Андрей Платонов — не иноагент, и он совсем не об СВО писал, поскольку жил и умер до, но наблюдение точное: «если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства». К чему бы это Платонов ни зафиксировал (фраза из записных книжек), приставьте к любому историческому явлению. Да хоть к школьному буллингу.

На тех похоронах погибшего за Авдеевку выступал районный военком: «[...] И как миллионы наших предков, отдавших жизнь за то, чтобы существовала Русь, Россия, земля русская, он положил жизнь на алтарь победы».

Где она, победа? Где алтарь, где складывают, — все знают, а где она сама? Где рейхстаг, спрашивают самые нетерпеливые.

Но это не Великая Отечественная. И у нее были выгодополучатели, но не в воюющем СССР. Это потом уже та Победа станет главным для советских людей событием. А у СВО и ее продолжения выгодополучатели — здесь и сейчас.

Что такое четыре года? Надо бы мерять другими периодами. Скажем, пятьсот шестнадцатый год триптиху Босха «Сад земных наслаждений». Не в нем ли мы живем? Все персонажи там, судя по новостным лентам, реальны, включая чокнутого воробья с горшком на голове (это и есть сатана), заглатывающего

грешника. Из его зада в свою очередь выпархивают черные птахи. Летят выклевывать нам глаза. Все запечатлено заслуженным и народным художником (безусловно, не одной РФ), все предельно современно. Почему не от него отсчет? И ведь внутри триптиха никто не спрашивает: а это надолго?



Иероним Босх. Фрагмент правой панели триптиха Сад наслаждений. Фото: википедия

Бесов пригласили: войдите в нас. «Вот здесь, где галочка, подпишите». Ну да, потом спрашивай, когда конец.

Про все войны, что были и есть, остановленные Трампом и нет: они не возникают сами — их начинают. Как черви, крысы, мухи — вот еще реальные бенефициары всех в истории человечества войн — не рождаются из грязи и выпущенных кишок. Хотя кажется, что прямо из них — тут уже зона древнего зла, его законы.

И все же пока в нашем мире есть не только зло, и у следствия всегда есть причина. Надо бы изучать мозг Парамонова. («Здесь не этика, здесь антропология», — сказал один из героев романа Алексея Иванова «Вегетация».) Как, откуда это электричество перетекает в новую цепь, как так замыкается напрямую, что прямо из богатых недр начинают выходить эти надморальные существа в олимпийках, уже закаленные, и они идут...

От замордованности и отчужденности к
ожесточению. И далее к макабрическому
энтузиазму и пляскам.

Ну а потом черные ласточки вылетают из зада.

Один из главных [пропагандистов](#) СВО и нынешней власти: «24 февраля 2022 года я умер. Умер тот человек, который был человеком мира. Веселый, полный, регулярно худеющий, который обожал ездить в Италию, в Америку, в Англию. Который думал, что все будет прекрасно... Вот этот человек тогда умер. И родился новый человек — человек войны».

Тоже человек-метафора. Но в этом случае его надо понимать, кажется, буквально. Все сегодняшнее — это посмертное существование. И это касается не только его. Пожалуй, что и всех. Но нет: вот же он, мало чем отличается от себя 23 февраля 2022 года. Говорит примерно то же, глядит примерно так же и туда же. И мы все узнавать себя в зеркале не перестали. Но как будто это лишь напоминающие нас, подобные нам, однако не мы. И все как бы под другим углом, как бы немного не с тобой. Как будто ты в кино балабановском идешь. Или в фильме питерских некрореалистов (да хоть и голливудском) про мутантов. Вот идут обычные люди, но ты же в кино, ты

понимаешь, что они не совсем люди. (Скажем, отзывы на недавний концерт Надежды Кадышевой в Новосибирске: «смотрите, зрителей и после не отпустило, полный вагон метро счастливо распевает: течет ручей, бежит ручей...»; «нас чем всех прокачали? Почему с первых нот хочется плакать?»)

Ничего, и с этим примиримся, сживемся. Это мы умеем. Гении адаптивности (наше преимущество перед остальным миром) — мы всё себе можем объяснить.

И почему вот это — победа. И почему надо продолжать. Мир, лишь похожий на человеческий.



Похороны солдата, 2024, Россия. Фото: архив

Так-то и победа — понятие относительное. Кого над кем... Евангелист СВО Александр Дугин, октябрь с.г.: «У нас открыто действовал три десятилетия целый иноагентский либеральный класс. Искоренение его такими темпами займет долгие годы,

которых у нас просто нет. Нам нужна Победа в обозримый период. Это требует новых усилий. И подчас быстрых и даже молниеносных». Дугин [сетует](#) на недостаток ужаса: острая нехватка его в данный момент ведет Россию прямо в бездну.

Все та же самая деревня, не изменившаяся с радищевских времен, та самая жуткая депрессия и борьба с внутренними врагами. Несмотря на все инвестиции в единство. И?

Нас никому не победить. Мы всегда побеждаем себя сами.

Этот материал вышел в пятнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.